

по рождению или с согласия коллектива владельцев к данной общине или городу. Наконец, в обоих случаях управление политической и экономической жизнью коллектива носило более или менее демократический характер, основываясь на принципе суверенитета народного собрания, т. е. собрания всех правоспособных владельцев, теоретически равных между собой. Органы управления города-государства — совет старейшин, выборные магистраты — генетически восходят к аналогичным органам общинного самоуправления, которые были оттеснены на задний план или деформированы в период господства родо-племенной знати, но затем восстановлены, развиты и усложнены в результате победы демоса или плебса.

Однако античный город имел и довольно существенные отличия от территориальной общины. Видимо, с самого начала элемент частной собственности был развит здесь в гораздо большей степени. Выражалось это не только, а может быть, и не столько в возможности более полного распоряжения надделом, его отчуждения в пользу другого гражданина, сколько в большей гарантированности владельческих прав.

Вообще, как известно, вопрос о собственности в древних обществах принадлежит к одному из самых спорных и темных. Можно ли прилагать здесь те критерии, которые сложились в современном праве? В какой мере следует учитывать правовые нормы и фактические отношения в тех обществах, о которых идет речь, и как соотносить их с нашими критериями? Можно ли считать собственность некоей общей для всех исторических периодов категорией, различающейся лишь по степени своего развития, или в каждой формации она представляет собой нечто особенное? Эти и другие связанные с ними вопросы еще не нашли однозначного решения и, естественно, не могут быть освещены в рамках настоящей статьи. Однако, по-видимому, можно полагать, что даже для римских юристов позднего времени, когда понятие собственности достаточно выкристаллизовалось, оно, в отличие от современных представлений, не связывалось непосредственно с правом отчуждения. Если право отчуждения и включалось в понятие собственности, то вместе с тем могло быть присуще и лицам, собственностью в полном смысле не обладавшим. Например, возможна была продажа участков земли, собственность на которые принадлежала не продающему, а государству, городу или частному землевладельцу и на которые продавец имел лишь те или иные владельческие права (см. Dig., XXI, 11; XIX, 1, 52). То же относится и к рабскому пекулюю. Как известно, владевший им раб мог отчуждать входившее в пекулий имущество, вступая в соответственные сделки даже со своим господином, безусловным собственником пекулия. Основная разница состояла в степени гарантирования владельческих прав. Находившийся в чьей-либо собственности земельный участок или имущество свободного не могли быть легально отобраны без постановления суда или иного органа власти, тогда как рабский пекулий или надел, находившийся на государственной, императорской, частновладельческой земле, мог быть изъят по воле собственника. Видимо, такая гарантированность собственности гражданина исконно существовала в городе, что и обуславливало значение компонента частной собственности в том единстве частного и коллективного начал, каким являлась античная форма собственности.

Вторым, видимо, непосредственно связанным с предыдущим отличием античного города от общины было значительно более высокое общественное разделение труда, непрерывно прогрессирующее, что вело к интенсивному развитию обмена — от товарного обращения к товарному производству¹. С последним были связаны не только отделение земледелия от

¹ Различие, которое В. И. Ленин проводит между товарным обращением и товарным производством (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328*), следует постоянно